

Забутые и неизвестные Документально-художественный очерк

"...Но враг друзьями побежден,
Друзья ликуют, только он
На поле битвы позабыт,
Один лежит..."

А.А. Голенищев-Кутузов

"Военная тайна"

24 января 1987 года в областной газете "Комсомольская искра" под рубрикой "Мое мнение" было опубликовано обращение: "Сегодня я обращаюсь к делегатам областной комсомольской конференции с предложением: давайте пройдем Поясом Славы, местами боев, заглянем в балки и овраги, проверим засыпанные окопы. Не должно оставаться пропавших без вести. Установить имена защитников нашего края — наша с вами обязанность...".

Автор публикации — офицер УВД Виктор Михайлович Соколов, для которого поиск пропавших без вести солдат, погибших при обороне Одессы, стал делом всей жизни, и в этом исследовании он прошел путь от любознательного мальчишки с окраин поселка Котовского до научного руководителя Одесской историко-поисковой группы "Отечество".

Это сейчас кто-то говорит, мол, там, где начинается поселок Котовского, заканчивается Одесса. Летом-осенью 1941 года здесь Одесса начиналась. Здесь она и осталась, буквально на клеточном уровне, в дезоксирибонуклеиновой кислоте погибших защитников. Именно здесь, по территории, где позже построился жилмассив Котовского, в 1941 году через голую степь проходила передовая линия Восточного сектора обороны, левый фланг которого начинался с восточного берега Хаджибейского лимана и, проходя выдающимся на северо-восток полукругом, упирался в Черное море.

На всем протяжении боев за город Восточный сектор имел ключевое значение. Еще в начале августа 1941 года румынское командование планировало сходу войти в Одессу с северо-востока. Темпы продвижения частей 4-й румынской армии на этом направлении вначале вселяли военным такую уверенность: 7 августа противник занял районные центры Одесской области — Ивановку и Березовку, а 11 августа — Петровку, 12 августа — районный центр Коминтерновское, а 13 августа противнику удалось

прорваться к морскому побережью в районе Тилигульского лимана. За 6 суток дивизии противника с боями продвинулись на этом участке на 70 км. До Одессы, казалось, рукой подать...

С выходом противника к морскому побережью в район сел Чабанка — Фонтанка (Коминтерновский район) возникла еще одна критическая ситуация — угроза функционированию морского сообщения, единственной связи Одессы с "Большой землей" и без того действовавшей в чрезвычайных условиях постоянных авианалетов. С конца августа 1941-го года противник получил возможность вести артиллерийский обстрел города и порта, входящих и выходящих судов. В связи с этим удержание рубежей правого фланга Восточного сектора обороны для Одесского оборонительного района (ООР) стало решающим. Что во многом объясняет выбор командования Черноморским флотом и Военным Советом ООР провести наступление (контрудар) 22 сентября 1941 года в Восточном секторе.

Еще можно напомнить, что в боях в Восточном секторе заслужили отвагой известность командир 1-го полка морской пехоты Яков Осипов, пулеметчица Нина Онилова и снайпер Людмила Павлюченко, служившие в 54-м Разинском полку 25-й Чапаевской дивизии.

Чтобы сегодня лучше осознать близость угрозы, нависшей над Одессой в 1941 году с северо-востока, стоит в ясную погоду с Приморского бульвара посмотреть на поселок Котовского. Для ориентира подойдут две полосатые трубы котельных, господствующие над многоэтажками. От трубы, расположенной справа (котельная на ул. Паустовского. — **О. С.**), мысленно проведите линию к морю, вся полоска земли, которая оказалась правее трубы, с 24 августа по 21 сентября находилась под властью румынских военных. Просматриваемый — "кусочек Транснистрии".

Вот оттуда, куда вы можете смотреть каждый раз, бывая на Приморском бульваре, в 1941 году противник разглядывал виды непокоренного города: Потемкинскую лестницу, порт, Приморский бульвар... Оттуда же через море 25 августа прилетел первый артиллерийский снаряд, упавший на город и положивший начало методичному обстрелу Одессы. Только 15 сентября артиллерийским огнем в Одессе "было разрушено 17 зданий, возникло 5 пожаров".

Сильно заблуждались те авторы, которые еще в 1970-е годы, рассказывая о местах боев под Одессой, писали расхожее "нынче ничто не напоминает о проходивших здесь когда-то боях" и про "плуг земледельца, который сравнивал противотанковые рвы, окопы и воронки от бомб и снарядов".

Большинству мальчишек, кому выпало родиться и жить на поселке

Котовского, неприкрытое наследие войны попало буквально на каждом шагу. Достаточно сказать, что "уголки боевой славы", находившиеся тогда в каждой средней школе, в основном, укомплектовывались экспонатами из "подножного материала", принесенного или с ближайшей лесопосадки, или из строительного котлована.

Поэтому и у автора этих строк, жившего на поселке Котовского, одно из сильных впечатлений школьного времени сохранилось от соприкосновения с настоящими местами боев обороны Одессы.

Мое свободное время, как и всякого советского школьника начала 80-х годов, родители и преподаватели старались максимально и содержательно заполнить, чтобы не оставалось времени и сил "на глупости" вроде игр на ближайшей стройке. Следуя их наставлениям и своим интересам, и способностям после школьных занятий, чередуясь по дням, меня ждали детская художественная школа № 2, кружок масштабного моделизма и что-то еще... Но мальчишки не были бы мальчишками, если бы не пытались нарушить границы замкнутого пространства. Так и наша школьная компания, образовавшаяся во втором классе, расширяла среду своего обитания на прилегающие к жилмассиву Котовского в районе ул. Заболотного поля. Каждый свободный день мы сломя голову бежали на несколько километров подальше от "цивилизации". Там в степи мы "исключали" сами себя из пионеров, пряча алые галстуки в карманы, ловили ящериц, собирали сухие желуди для каких-то поделок, выплавляли в консервной банке свинец на костре. Но самой главной, так сказать железной мотивацией непреодолимо притягивающей нас в степь, были лесопосадки, изрытые окопами, и поля, усеянные ржавым военным металлом. Там все было по-настоящему. Держа в руках ржавые части мин и снарядов, мы взахлеб рассказывали друг другу, часто привирая для значимости, о своих воевавших дедах и фантазировали о происходивших здесь боях. Нам виделись подбитые "Тигры" и "Пантеры", падающие бомбы, наступающие цепью с непременно закатанными рукавами фашисты. А "наши" обязательно подпустят врага поближе и в рукопашной схватке отобьют атаку. На возвышенностях мы "видели" доты и дзоты. Недостатков сюжетов для фантазии не было. Мы черпали их из фильмов про войну, в изобилии транслировавшихся по тогдашнему ТВ.

Обратно мы возвращались, как говорится, уставшие, но довольные, и, как правило, с богатыми трофеями. Карманы брюк школьной формы предательски обвисали под тяжестью латунных гильз, школьные портфели неестественно раздувались от потеснивших учебники ржавых осколков

и стабилизаторов от мин. Неприлежную картину внешнего вида следопыта завершала покрытая толстым слоем пыли обувь.

Поэтому наши вылазки не всегда оставались незамеченными, и часто становились предметом разбирательств — как дома, так и в школе. От этого складывалось впечатление, что одним таким самостоятельным походом мы одновременно нарушали все пункты правил учащихся, но кроме, разве что, правил дорожного движения и поведения на воде.

Но несмотря на все запреты, протоптанная тропинка не зарастала. Только там, на поле, на этом "подлиннике войны", можно было найти помятый алюминиевый котелок с неровно нацарапанными буквами фамилии: "Цуладзе", а через время в книге "73 героических дня" (Одесса, Маяк, 1978) на странице 198 встретить фамилию Цуладзе в числе других бойцов, подписавших одно из патриотических писем. Вот так всеми забытое мистическое зазеркалье битвы за город "разговаривало" с нами. А мы с ним, давая тематические названия каждому лоскутку, на первый взгляд, безликой земли. Вот, к примеру, лесопосадка справа называлась "морская", несколько небольших лесопосадок слева — "квадраты", лесопосадка в центре — "немецкая", лесопосадка, примыкающая к улице Ак. Заболотного, — "тыловая", линия обороны на поле — "линия Мажино". "Мостик" — это небольшой мостик в низине, "насыпь" — остатки насыпи, по которой проходила железнодорожная линия, ведущая на 21-ую береговую батарею.

Однажды, как всегда блуждая по своему полю, мы наткнулись на, беспорядочно разбросанные на пахоте кости. Вид их был какой-то необычный, что и заставило тогда остановиться и рассмотреть их поближе... Кто-то неожиданно воскликнул: "Это человеческие!"... Нет, такого не может быть — совсем не хотелось верить увиденному.. Но торчащие из пахоты чуть в стороне ботинок и его обнажившееся содержимое проняло до ужаса, не оставив никаких сомнений в принадлежности найденных останков. "Кино про войну" закончилось. Печальная находка, конечно же, стала настоящим эмоциональным потрясением. Школьные годы тем и особенны, что в них все только начинается, формируется мировоззрение. Все мы родом из детства, цепкая память которого долго еще хранит какие-то наивные или серьезные переживания, и зачастую вольно или невольно определяет будущее.

А тогда помню, как по-другому стали восприниматься фильмы о войне, и долго еще не мог себя заставить есть такое блюдо, как холодец (во время приготовления которого всегда оставалось горка костей), и еще неинтересно стало присутствовать на "уроках мужества",

где о боях за Одессу не рассказывали, а все больше про биографии полководцев Великой Отечественной войны с обязательным переходом к политинформации дня сегодняшнего и нависшей угрозе третьей мировой войны.

Через несколько лет мой юношеский максимализм, требующий дать ответ на вопрос, почему солдаты лежат на полях, разбился о каменное безразличие взрослых. Как оказалось, наша "военная тайна" на самом деле — обычная вещь в этих местах. Поселок Котовского постоянно строился, при рытье котлованов для новостроек или траншей для коммуникаций часто находили останки как советских, так и румынских военных. Судьбу их на месте могла решить бригада рабочих: сообщать в военкомат или без шума присыпать где-то рядом. Да и по полям и лесопосадкам все послевоенные годы ходило множество людей. Людей с "повышенным вниманием": грибников, охотников, травников. Поля обрабатывались тракторами. К тому же, некоторые сельхозкультуры пропалывались вручную, естественно, вручную проводился сбор томатов, огурцов.... Не заметить разбросанных повсюду костей было просто невозможно...

Совсем как на декоративной деревянной работе, висевшей на стене в квартире одного моего школьного приятеля: три обезьянки очень человечески изображали: "ничего не вижу", "ничего не слышу" и "ничего не скажу".

"Жди меня... Всем смертям назло"

Несколько лет назад на мировые экраны вышел фильм "Спасти рядового Райана". Фабула фильма следующая: группа американских солдат выполняет приказ, больше похожий на миссию разыскать и спасти рядового солдата, чтобы вернуть его матери, единственного уцелевшего из всех братьев. Обычная голливудская история о приоритете ценности человеческой жизни в условиях войны.

Под Одессой в 41-м кровавый сценарий "писался" по живому, без дублей, где все герои были главные... Многим тогда не удалось остаться в живых. После окончания войны оставалось только искать и "спасать" из небытия мертвых. Ведь сказал же великий полководец А.В. Суворов: "Война не закончена, пока не похоронен последний солдат". Но кто сумеет разобраться в космическом жертвоисчислении Великой Отечественной войны и возложит на себя моральную ответственность за судьбу "без вестити пропавшего" простого солдата?

**Братская могила на берегу Куяльницкого лимана
Фото В.М. Соколова**

Таким вот неравнодушным человеком, "довоевывающем" на передовой под Одессой более двух десятков лет, стал Виктор Михайлович Соколов.

В период с 1978 по 1983 годы В.М. Соколов установил имена 50 неизвестных воинов, погибших в обороне Одессы, разыскал в старых окопах и перезахоронил в две братские могилы останки сорока одного защитника города. На месте этих братских могил установил памятники.

Первая братская могила с останками двадцати восьми бойцов находится на плато левого берега Куяльницкого лимана, в 4 км севернее села Красноселка Коминтерновского района Одесской области. Вторая братская могила с останками тридцати бойцов находится в лесопосадке в 2 км северо-западнее станции Степовая (ж/д Одесса — Березовка).

Здесь нашли свой покой: командир взвода лейтенант Никитенко М.Г. 1921 г. р.; командир пулеметного взвода младший лейтенант Сосюра А.Я. 1917 г. р.; пулеметчик Морковин Н.Г. 1912 г. р.; красноармеец Силантьев С.Д. 1916 г. р.; красноармеец Горбачев С.М. 1908 г. р.; пулеметчик Адаменко И.С. 1906 г. р.; разведчик 54-го Разинского полка 25-й Чапаевской дивизии Голубовский В.А. 1914 г. р. и многие другие.

Братская могила в лесопосадке
Фото В.М. Соколова

Просто удивительно, как одному человеку удалось осилить такой объем работы. Наверное, этот тот самый случай, когда один в поле воин во всех смыслах. Ведь поисковая деятельность многоплановая и, кроме всего прочего, это большая исследовательская работа. Ее результаты сейчас хранит личный архив В.М. Соколова. Сотни писем с воспоминаниями участников обороны Одессы разделены по местам боев, полкам, дивизиям и аккуратно подшиты в дела. Каждое такое дело — это несколько лет кропотливого поиска: десятки запросов в адресные бюро во все уголки Советского Союза, в них фамилии, имена, отчества ветеранов, рядом подшиты их ответы, иногда подробные, реже короткие и настороженные. Шли годы, и важно было успеть установить, разыскать, опросить. Это хорошо видно из писем, где вместо уже тяжело больных ветеранов отвечали их жены, дети. Есть ответы, которые написаны вдовами...

В разные годы почтить память погибших на братские могилы приезжали дети, внуки и другие родственники Никитенко, Сосюры, Голубовского, Морковина, Силантьева.

С одним захоронением в братской могиле приключилась невероятная, почти киношная история. В конце 70-х годов Виктор Михайлович нашел

в старом окопе останки бойца с медальоном на имя Ивана Семеновича Воробьева и перезахоронил их в братскую могилу, написав фамилию Воробьева на обелиске. В переписке с однополчанами Воробьева выяснилось, что старший сержант 716-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии жив, и в настоящее время проживает в городе Днепрпетровске. Оказывается, что 22 сентября 1941 года где-то в 10 часов утра Воробьев был тяжело ранен осколками разорвавшегося рядом снаряда. По-видимому, медальон Воробьева взял санитар или кто-то из похоронной команды, приняв окровавленного с тяжелыми ранами без сознания бойца за погибшего, и сам погиб.

Воробьев в сознание пришел в госпитале г. Эссентуки, где пролежал год и два месяца. К тому времени мать Воробьева получила на сына похоронный лист и в течение трех месяцев получала деньги как за погибшего. 21 октября 1983 года И.С. Воробьев приезжал в Одессу и вместе с В.М. Соколовым они побывали на братской могиле, где еще значилась фамилия "погибшего" Воробьева, возложили цветы павшим товарищам.

Воистину, и про военную судьбу Воробьева симоновские строки: "Жди меня, и я вернусь... всем смертям назло".

Вообще-то, инициатива поиска пропавших без вести солдат пришла снизу. Родоначальником поисково-исследовательского движения в СССР считается Сергей Сергеевич Смирнов. Он начал ездить по Союзу, разыскивать людей и собирать информацию, связанную с обороной Брестской крепости. Благодаря передачам С.С. Смирнова, шедшим в 1960-е годы на Всесоюзном радио, Брестская крепость, лежавшая до этого в развалинах, забытая всеми, стала известным местом и получила статус крепость-герой, а незаслуженно забытые ее защитники, прошедшие ужасы плена, получили признание своей стойкости.

В 1964 году Смирнов писал: "В истории Отечественной войны до сих пор много неизученных белых пятен, нераскрытых подвигов, неведомых героев, которые ждут своих разведчиков..."

"Вспомнить все..."

В 73-дневной обороне Одессы белым пятном или черным пятном до сих пор остается количество потерь, а также забытые и неизвестные захоронения защитников города.

Советская справочная и мемуарная литература, посвященная обороне Одессы, уточнения численности безвозвратных потерь в рядах Красной

Армии старалась всячески избегать. Но даже по тем выбранным данным, которые печатались или прочитывались между строк, можно было составить первичное представление о числе потерь, в частности, в Восточном секторе обороны.

11 августа 1941 года. Сильная атака пехоты и нескольких танков неприятеля на позиции 26-го полка НКВД. Убиты командир взвода, лейтенант Вахмянин, красноармейцы Худошин, Галибов, Илларионов. Потери понесли и другие подразделения полка.

21 августа. После штыковой атаки в 6-й стрелковой роте 2-го полка морской пехоты осталось 10-20 человек.

22 августа. Прибыло пополнение, 2 маршевые роты. Все 250 человек — шахтеры из Донбасса. Вооружить их было нечем. Это о них вспоминал в своей книге "Осажденная Одесса" член Военного совета И.И. Азаров: "На душе у меня был горький осадок: посылать людей в бой без винтовок. С одними гранатами...". После боя Осипов доложил: "...у них очень большие потери...".

23 августа: "Силы морских пехотинцев... истощены, в 1-м батальоне осталось в строю 40 человек, во 2-м — 80".

В этот же день была сделана запись в журнале боевых действий Приморской армии: "...обученные резервы исчерпаны полностью, необученных имеется 4000 человек...".

С 14 августа по 14 сентября 1941 года наши потери только ранеными 25000 человек, за 12 сентября только раненых 1900 человек.

Более детально о ходе боев и потерях в рядах защитников Одессы мы можем узнать из непосредственных свидетельств участников боев.

Из архива В.М. Соколова. Комиссар 54-го Разинского полка 25-й Чапаевской дивизии, старший политрук Ф.М. Мальцев: "...бои проходили почти ежедневно, кровопролитные бои велись Кубанка, хут. Шевченко, Потровского (два последних ныне не существует. — О. С.), хут. Ильичевский, Александровка, потери большие, сколько, боюсь точно сказать, я как комиссар после каждого боя в политдонесениях подробно освещал ходы боев и поименно о потерях двум политотделам: 25 СД и 421 СД, так как было двойное подчинение...

Большие потери полк понес в конце августа месяца в Восточном секторе, когда нужно во чтобы ни стало остановить 13-ю и 15-ю дивизии противника... после этих боев в ротах полка образовался недокомплект до семидесяти процентов". (Стиль и пунктуация в выдержках из писем здесь и далее сохранены. — О. С.)

Из архива В.М. Соколова. Помощник командира 1-го взвода 1-й роты 716-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии старший сержант И.С. Воробьев: "...На участке наступления 1-го батальона противник оказывал сильное сопротивление, вел интенсивный артиллерийско-минометный огонь. Батальон нес большие потери. Особенно большие потери понес батальон, когда прошел лесополосу, перед кукурузным полем. Много наших убитых и раненых бойцов лежало в лесополосе".

При личной встрече с В.М. Соколовым в 1982 году И.С. Воробьев вспомнил еще такой случай: "В атаке ранило одного из военнослужащих таджиков, их в полку было много. Было это на левом фланге 1-го батальона, в ложине, где рос лесок. Возле раненого собралось человек 10-15 солдат таджиков. В это время среди них разорвалась мина. Почти все погибли".

Данные о потерях естественным образом потребовали найти ответ и на вопрос о местах погребения погибших бойцов и командиров. Простое сопоставление известных мест, населенных пунктов, где в 1941 году проходили кровопролитные бои, и попытки найти захоронения в этих местах, озадачили еще больше.

Выяснилось, что известных захоронений, относящихся к боям в бывшем Восточном секторе обороне Одессы, считанные единицы, в которых погребены (в разных местах) несколько десятков человек. (Тут важно не путать с братскими могилами советских солдат, погибших в ходе боев в Одесской наступательной операции апреля 1944 года, и многочисленными монументами, установленными в селах с перечнем фамилий, являющимися мемориалами памяти уроженцев этих сел, погибших на разных фронтах в Великую Отечественную войну.)

Памятники Пояса Славы, возведенные по одной из линий обороны Одессы, в частности, в бывшем Восточном секторе, — это фиксация событий 1941 года, а не надгробные монументы. За исключением монумента в районе села Августовка Беляевского района Одесской области, где значатся похороненными более сотни бойцов 136-го запасного стрелкового полка. Но и тут неожиданно возникла какая-то нестыковка. Некоторые старожилы упорно настаивают на том, что настоящая братская могила этих воинов находится в нескольких десятках метров в стороне от официально назначенного места. Не обошлось и без приметы времени, в 90-е годы кто-то посбивал с монумента металлические буквы из надписи: "Вам, бессмертным ровесникам грядущего, стоявшим здесь насмерть". Также в 90-е годы кто-то отломил металлическую красную звезду на одном из монументов, который установил В.М. Соколов.

Снова обратимся к уникальному архиву В.М. Соколова. Старший политрук Ф.М. Мальцев: "Погибших командиров и красноармейцев хоронила команда музыкального взвода, на которую была возложена эта задача. Павших в боях за населенный пункт Гильдендорф (ныне с. Красноселка Коминтерновского района Одесской области. — О. С.), в том числе ст. лейтенанта Лаптева и уполномоченного ОО СМЕРШ Шуткина П.Т. похоронили в фруктовом садике на южной окраине Гильдендорфа".

Из архива В.М. Соколова. Командир химвзвода 716-го стрелкового полка 157 стрелковой дивизии младший лейтенант В. Волченко: "...Похоронили погибших и в братских могилах и в окопах в разных местах поля боя".

Большой удачей в поисковой работе считалось вместе с останками найти и медальон бойца с заполненным бланком-вкладышем. Идентификационный медальон был введен 15 марта 1941 года приказом народного комиссара обороны Союза ССР № 138. Медальон состоял из пластмассового пенала и бланка анкеты из пергаментной бумаги, куда заносились личные сведения о бойце: фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства и адрес семьи. Медальон относился к табельным вещам и имелся у всех бойцов кадровых частей, оборонявших Одессу.

А как обстояло дело с обеспечением личными медальонами добровольцев — народных ополченцев, отрядов рабочей самообороны г. Одессы, численность которых, по самым скромным подсчетам, была не менее 30 тысяч человек? Была ли у Одесского оборонительного района возможность обеспечить медальонами всех ополченцев? Или им самим приходилось вопреки разным суевериям выцарапывать свою фамилию на флягах, котелках и ложках? Был ли у добровольцев хоть один шанс после гибели не превратиться в "неизвестного" прямо у стен родного города? На эти вопросы до сих пор нет однозначных ответов. Известно только то, что Одесса ежедневно давала пополнение фронту...

Уже первые бои под Одессой выявили острую нехватку и людских ресурсов, и вооружения. На просьбу командования Приморской армии о незамедлительной помощи, Ставка Верховного Главнокомандования отвечала: "Новых дивизий для Одессы выделено быть не может. Оружием будет оказана посильная помощь. При достатке сил и средств удерживать город — дело простое... здесь должно быть проявлено упорство, мужество и умение".

Требования командования были очевидны. Обстановка в первые месяцы войны по всему советско-германскому фронту складывалась катастрофически. 19 сентября 1941 года немецкие войска захватили Киев, еще раньше, 8 сентября, оказавшись в сухопутной блокаде, занял оборону Ле-

Солдатский медальон защитника Одессы
Из коллекции О. Сивирина

нинград, а в конце сентября немцы вплотную приблизились к Москве. Одесса сражалась в глубоком тылу.

В этой связи перед Военным советом ООР Ставка в числе прочих поставила задачу: "Мобилизовать и использовать все трудоспособное население для обороны города и района, создать запасные части. Изъять из базы, тыловых частей и учреждений весь излишний начальствующий и рядовой состав и использовать его в строю".

Несмотря на то, что основной контингент военнообязанных одесситов был мобилизован и отправлен на фронт еще в начале войны, Одесса продолжала пополнять ряды своих защитников. Только 5 августа на передовую ушло свыше 2000 добровольцев — народных ополченцев. В городе формировались отряды рабочей самообороны, по одному в каждом из 6 районов города, численность 3600 человек, в том числе 250 женщин. На предприятиях был готов резерв рабочей самообороны — 7600 человек.

Газета "Правда" 30 августа 1941 года писала об Одессе: "...Город ошетинился штыками. На площадях всюду много граждан, обучающихся военному делу. Под знамена истребительных батальонов и ополченческих дружин

собираются люди разных возрастов и разных профессий. Рядом с пожилым научным работником можно видеть юношу-подростка, рядом со слесарем из железнодорожных мастерских — бухгалтера в старомодном пенсне...".

Из архива В.М. Соколова. Старший политрук Ф.М. Мальцев: "...Первое пополнение мы получили добровольцев из рабочих заводов и фабрик города Одессы, направленных Одесским обкомом партии, причем среди них было много коммунистов и комсомольцев. Помню, на рассвете 19 августа из Лузановки пришло более 600 человек, мы с командиром полка принимали и распределяли по подразделениям полка, не забуду, беседуя с каждым добровольцем, я обнаружил одного полкового комиссара запаса, я долго его уговаривал на должность пропагандиста полка... к сожалению, не помню его фамилию, он категорически отказался и пошел в подразделение рядовым бойцом, через дней десять в одной из атак он героически погиб.

Много пополнения мы получали из Ильичевского райкома партии, так как он тогда шефствовал над нашим Разинским полком, много раз руководство райкома партии с работницами приходили к нам прямо на передовые с подарками".

Когда я еще в первый раз читал это письмо, как-то врезалась фраза: "...на рассвете 19 августа из Лузановки...". Само собой мысленно выстроилось: Одесса — август — Лузановка. Да это же самый разгар курортного сезона! Лузановка — пляж моего детства. Лузановка — это всегда теплые воспоминания. Меня туда вез трамвай по маршруту № 7: остановка "10-я линия — Кишиневская — "Молодая Гвардия" — Лузановка". А там серебристый песок, ласковое море с гладким песчаным дном, мороженое, газировка из автомата, и вечные торговки — цыганки с самодельными конфетами и леденцами на палочке из жженого сахара...

Лузановский пляж и до войны был излюбленным местом отдыха для одесситов и гостей города. Вот и довоенные путеводители по Одессе подсказывают, что трамвай № 9 шел от улицы Краснова в Лузановку, по маршруту: "ул. Краснова — Ярмарочная площадь — дорога Котовского — ул. Лиманная — берег моря, Лузановка (пляж, солнечные ванны)". Начало движения в 04 часа 40 минут, стоимость билета — 15 копеек. Здесь же, в путеводителе, реклама призывала: "В интересах здоровья трудящихся требуйте везде натуральный "боржом", а воду "куяльницкого минерального источника" рекомендуют пить холодной".

Известно, что лето 1941 года выдалось жарким, и тем сложнее представить апокалиптическую пустоту Лузановского пляжа в разгар лета. С приближением фронта к городу Лузановка становится важным опор-

**Вид Лузановского пляжа до войны
Открытка из коллекции О. Сивирина**

ным пунктом тыла частей восточного сектора. Здесь дислоцировалась санчасть 54-го Разинского полка, рядом на территории пионерского лагеря "Украинский Артек" (ныне "Молодая Гвардия". — **О. С.**) — штаб 1-го полка морской пехоты, а также его тылы и санчасть.

Во время обороны Одессы продолжало функционировать трамвайное движение. Только поменялись пассажиры: на передовую доставлялись военные грузы, перевозились раненные бойцы. Трамвай иногда опаздывал. Один из известных эпизодов: когда на ул. Московской бомбардировкой было нарушено 120 метров сети и 10 метров трамвайного пути, и уже через два часа путейцы и монтеры восстановили движение.

В многознании — много печали. Сегодня Лузановка для меня — место контрастов. В дни годовщины боев за город невольно появляются иные пространственно-временные координаты. Прошлое догоняет настоящее: проезжая район Лузановки, всматриваюсь в окно словно в окно времени... По Николаевской дороге идут на передовую пешие колонны ополченцев. Среди них и те, кто прибыл с "Большой земли", и одесситы. Кто-то из последних, проходя мимо Лузановки, жадно вглядывается в знакомые места и вспоминает что-то свое, еще из довоенной жизни, теплое, как летний лузановский песок.

Но и на песчаном пляже тоже все изменилось. Днем и ночью там хозяйничают военные. Сотрудники НКВД охраняют побережье от возможного вражеского десанта, а еще здесь берут песчаную массу для строительства баррикад: орудуя совковыми лопатами, рабочие безжалостно уничтожают последние, где-нигде еще оставшиеся на песке следы беспечных июньских пляжников.

В дни годовщины боев за город не просто оставаться "политкорректным", в памяти всплывают и заводят лозунги тех дней: "Одесса была, есть и будет советской...", "Враг будет стерт с лица земли...". И у автобусного маршрута № 190 появляется сакральное значение. Он начинает движение с передовой линии обороны (ул. Паустовского, район Ильичевки), где в 1941 году сражались морские пехотинцы, и едет к их командиру полковнику Осипову — ул. Осипова...

И другие улицы в эти дни, словно на переключке выкрикивают свои имена: переулок Ониловой, улица Маловского, улица генерала Петрова, переулок Нечипуренко, улица Бреуса.

В этом же ряду есть улица, которую не каждый сразу отыщет, она словно прячется, пропала без вести, так же, как и человек, именем которого она названа. Улица Капитана Кузнецова, воспитанника Одесского артиллерийского училища, командира 21-й береговой батареи, располагавшейся на мысе "Е" в районе села Фонтанка. Когда в конце августа возникла угроза захвата 21-й батареи, по приказу командующего ООР ее взорвали, а из личного состава сформировали 6-ю роту 1-го полка морской пехоты. 8 сентября 1941 года бывший командир 21 береговой батареи капитан Кузнецов получил пулевое ранение в голову и "не приходя в сознание, скончался". Похоронен на поле боя. (По другим данным, капитан А.И. Кузнецов погиб в бою 26 августа, защищая батарею.) Не шумная улица Капитана Кузнецова находится на поселке Котовского, идет параллельно проспекту Добровольского через частный сектор, с восточной стороны примыкает к кинотеатру "Звездный" и далее неровным лабиринтом многоэтажек соприкасается с Десантным бульваром, названным так в память высаженного 22 сентября 1941 года в Восточном секторе обороны морского и воздушного десантов. Пройдя по Десантному бульвару, можно пересечь Днепропетровскую дорогу и попасть в населенный пункт Крыжановка, вплотную примыкающий к поселку Котовского, но относящийся к Коминтерновскому району. Крыжановка в 1941 году была важным опорным пунктом в обороне Одессы. Это село противнику не удалось захватить в боях, Крыжановка была оставлена одновременно с Одессой в середине октября 1941 года.

После войны в 1960-70-х годах в окрестностях Крыжановки находили останки советских воинов. Так в одном случае тракторист, вспахивая поле плугом, случайно обнажил фрагменты останков бойца, в другом случае, вездесущие ученики Крыжановского школьного поискового кружка наткнулись на останки в старом окопе в лесопосадке. Личности обоих защитников Одессы удалось установить по сохранившимся при них медальонам. Политрука Николая Филипповича Гонтаренко и лейтенанта М.С. Атаманюка с воинскими почестями перезахоронили на военном мемориале в центре Крыжановки.

О забытых и неизвестных советских воинах с новой силой в СССР вспомнили в 1980-е годы. В 1984 году в Одесской области официально была объявлена поисковая операция "Вспомним всех поименно". В школах и училищах массово стали появляться поисковые группы и кружки. Ребятам, участвовавшим в этих мероприятиях, называли звучными словосочетаниями: "красные следопыты", "тимуровцы", "часовые истории" и т. д. Об их работе писали газеты и журналы.

В канун 43-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне в "Вечерней Одессе" вышла заметка: "Они защищали Одессу". Корреспондент Дмитрий Петунин писал: "Ребята из кружков "Поиск" СПТУ №№ 8 и 11 начали раскопки на окраине жилмассива Котовского осенью прошлого года. А нынешней весной в старых окопах обнаружили останки семи погибших воинов". Из 7 погибших только одного удалось идентифицировать по найденному при нем медальону. Погибшим оказался Григорий Семенович Дрыгалов, родом из села Выселки Краснодарского края.

5 мая 1988 года на Северном кладбище состоялось торжественное перезахоронение погибших защитников. В траурной церемонии приняли участие представители коллективов предприятий и учреждений города, райвоенкомата, Совета ветеранов войны и труда, учащихся школ и профтехучилищ. Из Краснодарского края приехал родной брат Г.С. Дрыгалова, поблагодаривший ребят и их руководителей за проделанную работу.

"...Звучит музыка военного оркестра. Раздаются оружейные залпы... Но поиск не окончен, он продолжается..." — писал тогда Д.Петунин.

Лет семь назад мне удалось встретиться с некоторыми героями этой заметки. Интересно было узнать, как все начиналось и чем закончилось. В один из осенних дней 1987 года в СПТУ № 11 на занятиях по эстетике двое учащихся перешептывались и были чем-то сильно увлечены, но явно не предметом. Преподаватель эстетики Элла Абрамовна Гликберг сделала ребятам замечание. "Что это?" — спросила она, рассматривая непо-

нятную вещичку, ставшую причиной нарушения дисциплины. В руках Элла Абрамовна держала солдатский медальон... Учитель и ученики на какое-то время поменялись местами: она расспрашивала их о неведомом — они со знанием дела отвечали. Окопы, осколки, гильзы, кости — обо всем этом подробно рассказывали ребята. Произошла случайная (или промыслительная?) встреча равнодушных людей... К этому делу сразу подключился и военрук училища Борис Петрович Рупчев.

Примерно то же самое тогда произошло и на другом конце города, в СПТУ № 8. Там для музейной экспозиции учащиеся притащили большой осколок от снаряда. Там вопросы ребятам задавала преподаватель В.Г. Панкратова.

Преподаватели двух училищ встретились, лично побывали на местах боев в бывшем Восточном секторе обороны и решили объединить усилия в общем деле. Дальше все как-то быстро завертелось, в двух учебных заведениях оформились кружки "Поиск", были получены необходимые документы для ведения поисковой работы, результаты которой и осветила "Вечерка". А что было дальше? Получив общественное признание своей деятельности, преподаватели и ученики с энтузиазмом продолжили работу: в 1988 году они обнаружили останки 11 человек, в 1989 — девятерых. Как положено, перенесли останки в две временные могилы, готовясь к официальному с воинскими почестями перезахоронению, намеченному на 9 мая 1990 года...

1990 год. Про события в СССР в этом году подробно может рассказать Леонид Парфенов в программе "Намедни", но одно можно сказать наверняка, общая атмосфера, царившая в советском обществе, была напряжена до предела, и общество готово было воспринимать перемены во всем. Каждый день пресса и ТВ приносили в жертву очередного вчерашнего идола или героя. Особенно уязвимым было военное прошлое СССР с его многочисленными мифами и замалчиванием настоящих потерь в Великой Отечественной войне. Может быть, отчасти и поэтому что-то тогда не сложилось с организацией перезахоронения найденных ребятами останков защитников Одессы. К тому же, активные участники поиска к тому времени окончили училище и отправились на службу в ряды Советской Армии. А вернулись они уже в другое государство, каждый со своими заботами и проблемами. Кружки "Поиск" распались из-за потери к ним интереса, Эмма Абрамовна эмигрировала, а ребята растеряли друг друга, и кого-то из них уже нет в живых.

"Последние романтики СССР" — подспудно их готовили к третьей мировой войне, а они упорно хотели "закончить вторую", видимую из окон их многоэтажек. Не сложилось.

Там, где они копались 20 лет назад, летом 2007 года началось строительство коттеджного поселка. Будущие жильцы даже не догадываются о печальном соседстве...

"Враг у ворот"

"...Здесь враг потерял свыше 160-ти тысяч солдат и офицеров", — единодушно подводили итоги обороны Одессы советские литературные источники. И если у пленных и раненых из этого числа был еще какой-то земной путь, то десятки тысяч убитых солдат и офицеров 4-й румынской армии намертво остались лежать у ворот Одессы.

"А что делали с убитыми фашистами после войны?" — за такой детский вопрос лет 25 назад запросто можно было схлопотать от преподавателей замечание в школьный дневник: "Плохо вел себя на уроке мужества". Вопрос этот вообще не поднимался в обществе. Тема была закрытой.

Если шире посмотреть на данный вопрос, то выяснится, что после окончания второй мировой войны тенденция к игнорированию воинских захоронений стран — "участниц оси" была общепринятой не только в СССР, но и в Европе. Историю пишут победители, они и решили, что бережного и уважительного отношения заслуживают только жертвы из стран Антигитлеровской коалиции.

Но годы спустя европейское сообщество решило все-таки примирить мертвых всех противоборствующих сторон. 8 июня 1977 года вступил в силу 1-й Дополнительный протокол к Женевским конвенциям о защите жертв вооруженных конфликтов, в котором регулировался правовой статус воинских захоронений, находящихся на территории другого государства.

Статья 34-я этого протокола подразумевает заключение между заинтересованными государствами двустороннего соглашения. Только наличие такого соглашения может оговорить такие детали сотрудничества, как обеспечение ухода, сохранность могил, доступ к ним родственников, а также содействие в репатриации останков и возвращение личных вещей погребенных их близким.

В разделенной "холодной войной" на два противоборствующих лагеря Европе весь этот тонкий дипломатический механизм оставался лишь на бумаге и не работал до конца 80-х годов.

4 августа 1989 года Верховный Совет СССР ратифицировал вышеупомянутый протокол. Но через два года Советский Союз прекратил свое су-

ществование, и каждому из вновь образовавшихся государств представилась возможность решать (или не решать) эту проблему самостоятельно.

В 90-е годы Россия как правопреемница СССР заключила двусторонние соглашения по вопросу жертв вооруженных конфликтов с Германией, Венгрией, Польшей, Италией, Финляндией, Чехией, Словакией, Монголией и Румынией. Трагические судьбы переплелись и растворились в кровавой мясорубке войны. К примеру, на территории Польши погребено 2.5 миллиона советских граждан, из которых более 600 тысяч погибло в боях и 1.2 миллиона — жертвы концлагерей. На территории России польскую сторону интересует трагическая судьба польских офицеров, так называемое "Катыньское дело" 40-го года.

Бои под Одессой летом-осенью 1941 года оставили после себя десятки кладбищ румынских военных, от масштабных, с тысячами могил, формировавшихся неделями, до небольших с захоронением 5-10 человек, образовавшихся где придется. Последние могли возникнуть, к примеру, в результате авианалета советской авиации на колонну противника или от обстрела корабельной или береговой артиллерии скопления войск противника.

Из хроники боевых действий 4-й румынской армии под Одессой:

19 августа 1941 года. Длительные поединки в районе высоты "110". 9-й пехотный полк потерял здесь 376 человек (126 убитых и 250 раненых).

24 августа. 3-я пехотная дивизия в боях в селах Октябрь, Выгода (Октябрь — ныне район с. Важное Беляевского района Одесской области. Выгода — того же района. — **О. С.**) потеряла 775 человек (138 убитых, 583 раненых, 54 пропали без вести).

Всего со 2-го по 24-е августа 4-я румынская армия потеряла 27307 человек (5329 убитых, 18600 раненых и 3378 пропали без вести).

Командующий 11-й пехотной дивизией генерал Иосиф Теодореску: "Наши потери были также значительны, особенно в течение дней 10, 11 и 12 октября, насчитывая 26 офицеров (5 убитых) и 920 солдат (250 убиты или пропали без вести)". Он же вспоминает бои на линиях защиты Карпово, Выгода, Гниляково (Гниляково с 1968 года — с. Дачное Беляевского района Одесской области. — **О. С.**), указывая 2000 мертвых, "которые покоятся на кладбищах" сел Дончево (месторасположение этого села не определено. — **О. С.**), Виноградарь и Выгода...

Преимущество занятой территории позволяло похоронным командам румын проводить в ближнем тылу плановые захоронения. Надо признать, что к оформлению погребений мастера этого дела подходили основательно. Кладбище обустроивались на древнеримский манер: могильные крес-

ты, иногда даже на древних курганах, украшались солдатскими шлемами (касками), в центре пирамидкой могли сложить трофейное оружие "побежденных воинов". Позднее на кресты нередко водружались венки из живой растительности.

В архиве В.М. Соколова мне встретилось воспоминание одного из бойцов 716-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии, участвовавшего в контрударе 22 сентября: "...как только мы поднялись пошли в наступление, перед нами показалось метрах в четырехстах деревня (Гильдендорф. — О. С.), около деревни раскинулось большое кладбище румын, на каждом кресте висела каска. И это нам впервые казалось необычным зрелищем".

В сети Интернет на одном из румынских сайтов висит фотография румынского военного кладбища, располагавшегося в с. Дальник Беяевского района Одесской области. А как выглядело одно из самых больших под Одессой румынских воинских захоронений курганного типа, можно увидеть в книге Михаила Борисовича Пойзнера "Оккупация. Одесса: 1941-1944 гг." (Одесса, "Друк", 2004) на странице 87. На этой фотографии видно, что у подножья могильного кургана выложены пафосные слова: "Признание родиной погибших героев". Через два года из этой надписи соответствовать действительности останется только одно слово "погибшие", а "признание", "родина" и "герои" будут переадресованы другим солдатам этой страны.

"Есть кони для войны и есть кони для парада". Люди, как кони. Сегодня, рассматривая фотографии румынских кладбищ, сопоставляя их с воспоминаниями очевидцев, просматривая румынскую документальную хронику тех дней, пытаюсь разглядеть, угадать какие-то психологические черты в облике агрессора. Тех солдат румынской армии, которые так и не переступили порог Одессы. Тех, кто всегда был на заднем плане, оставаясь "неформатом" за кадром "победоносной" хроники. Тех, кто в итоге оказался покрыт бесславным забвением. Люди, как кони.

Вот в обустройстве военных кладбищ в 1941 году было все необходимое: и искренность самой церемонии погребения, учитывая традиционную религиозность румын, и пропагандистская театральность, обусловленная тем, что война продолжалась, забирая все новые жертвы, и простой солдат должен был наглядно видеть — если он завтра погибнет, о нем не забудут.

Но злая ирония, граничащая с контрпропагандой, таких погребений таилась в их месторасположении, как правило, вблизи дорожных коммуникаций, ведущих в Одессу. И свежее необстрелянное пополнение вы-

нужденно проходило через эти депрессивные "чистилища" с лесом крестов и чуть шевелящимися от порывов степного ветра шлемами. Здесь легко можно было мысленно примерить на себя ухоженную могилку. Здесь легко обесценивались пропаганда и обещанные награды, а высшей наградой становилась жизнь. Отсюда и количество румынских военных, оказавшихся в советском плену. Современные румынские источники озвучивают цифру "пропавших без вести" под Одессой в 11500 человек, большая часть из которых и оказалась в советском плену.

Из архива В.М. Соколова. Один из участников обороны Одессы вспоминал: "...Я получил приказ прорвать передний край, догнать полк, вручить приказ о немедленном возвращении полка на исходные позиции что и было выполнено. При этом мы взяли около ста человек румын в плен. Пленных румын из хутора гнали в порт... две женщины...".

Фантазии художника едва ли хватит представить картину, как две женщины несколько километров ведут в порт сотню пленных мужчин. Две женщины — две винтовки, в каждой по пять патронов. Средняя скорострельность трехлинейки — 10 выстрелов в минуту, и то при умелом обращении. При попытке к бегству пленных шансов у женского конвоя никаких.

Сложно представить себе эту картину, но можно понять. Если вспомнить, что сильно поредевшие в одесских боях румынские дивизии, исчерпавшие людские ресурсы резервов кадровиков, пополнялись за счет всеобщей мобилизации, выгребавшей мужское население в румынских городах и селах. Кстати, по социальному составу румынская армия не сильно отличалась от РККА — все те же рабочие и крестьяне. Последних эта мобилизация вообще ломала морально, разрушая весь уклад жизни. Посмотрите на время года! Август-сентябрь. Это же самое горячее время сбора урожая в юго-восточной части Европы. Это и время традиционных праздников, посвященных подведению итогов аграрного года.

В начале XX столетия крестьянство — это сильное внутригосударственное сословие людей многих аграрных стран. Там крестьянин — это кормилец. В этих странах крестьянское сословие — это государство в государстве, со своим мировоззрением, со своей невоинственной идеологией и со своими традициями и культурой. Но на войне крестьянство — это, как правило, всегда слабое звено. Потому что между войной и своим огородом он всегда выберет последнее. То, чем занимались еще и его отец, и его дед, и... Только кто ему давал выбор на войне?

Здесь можно вспомнить наше прошлое, когда в 1917 году все эти "декреты о мире", "о земле" с лозунгом "Земля крестьянам..." буквально рас-

пропагандировали и вывели из строя большую часть армии Российской империи.

Можно понять, что даже оказавшись на войне, румынский крестьянин не мог не думать о своем саде, о своей земле, оставшейся без заботы. Там без него сиротливо пересыхали на желтых стеблях кукурузные початки, без заботливых рук лопались переспевшие виноградные ягоды, истекая соком, словно заранее оплакивали погибших хозяев.

Им всем, и кадровым военным, и мобилизованным рабочим и крестьянам, был адресован показательный своим бессилием текст инквизиционного приказа по 4-й румынской армии: "Командиров соединений, а также командиров полков, батальонов и рот, части которых не наступают со всей решительностью, снимать с постов, предавать суду... лишать права на пенсию. Солдат, не идущих в атаку с должным порывом или оставляющих оборонительную линию, расстреливать на месте. Если соединение отступает без основания, начальник обязан установить сзади пулеметы и беспощадно расстреливать бегущих..."

Как будто про "героев" этого приказа, вычитываю воспоминания одного из ветеранов в архиве В.М. Соколова: "...когда в штаб батальона привели пленных, то среди них было два румына, прикованных к пулемету (так их и привели с пулеметом)".

...В апреле 1944 года части 3-го Украинского фронта освободили большую часть Одесской области. Румынские военные кладбища остались без внимания и ухода. А уже в августе 1944 года все румынские военнослужащие, погребенные под Одессой, оказались в странном положении, потому как 23 августа Румыния фактически вышла из войны, а еще через два дня Румыния объявила войну Германии. Теперь это была уже другая страна с другими героями. В это же время в Одесской области в районе городов Балта и Бирзула (ныне г. Котовск. — **О. С.**) была сформирована 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия им. Тудора Владимиреску, подчинявшаяся командованию 2-го Украинского фронта.

Историческая справка из краткого научно-популярного очерка "Великая Отечественная война" (Москва, 1973 г., стр. 338): "За 260 дней войны против Германии румынские потери составили 170 тысяч человек. Семь раз в приказах Верховного Главнокомандования СССР отмечался героизм румынских дивизий. За боевые заслуги более 190 тысяч солдат и офицеров румынской армии награждены советскими орденами и медалями... Особенно выделялась ратными подвигами 1-я румынская добровольческая дивизия... Она награждена орденом Красного Знамени. Так

в совместных сражениях кровью скреплялась боевая дружба двух братских народов...".

Противник-союзник, вчерашний враг — сегодня друг. Выиграли политики — проиграли солдаты... простые солдаты.

В этих жерновах политической целесообразности румынские военные мемориалы под Одессой стали никому не нужными. Но сотни тысяч родных и близких погибших румынских солдат еще из "другой" армии навряд ли также легко смогли забыть своих родственников, лежащих на чужбине. Вопрос без ответа: какими методами удавалось долгие годы сдерживать интерес людей к судьбе их близких? А интерес был...

В связи с этим вспоминаю рассказ одной семьи из села Кубанка, Коминтерновского района, Одесской области. В начале 90-х годов в село на автомобиле приезжали несколько человек румын и интересовались, где в этой местности в 1941 году находилось кладбище румынских солдат. Местные жители указывали им на разные места: то на распаханное поле, то на ровную поляну — "одно большое" и "два небольших" кладбища.

В моей коллекции собрано и проверено уже немало всяких историй о военном царстве мертвых, надежно скрытом от мира живых. Но иногда эти параллельные миры все же пересекаются.

В 1960-е годы на территории одного автотранспортного предприятия в районе завода "Центролит" при рытье траншеи для прокладки какой-то коммуникации рабочие наткнулись на изголовье румынского захоронения: обнажились черепа, каски с королевскими кокардами. Коммуникацию проложили по плану. А что делать с такой находкой, никто не знал. Оставили все как было. Через несколько лет во время обустройства территории АТП могильный курганчик где-то "спрятался" под цементными плитами.

В другом случае одно из румынских кладбищ, расположенное в лесополосе, в 1960-е годы оказалось в зоне военных занятий и было изрыто учебными окопами.

А вот событие из "новейшей" истории. Недалеко от населенного пункта Светлогорское Раздельнянского района Одесской области есть захоронение румынских военных 1941 года, находящееся в древнем кургане, — высота с отметкой "100". Вокруг него разгорелись нешуточные страсти. Некие силы ведут на могилах заочное противостояние. Сначала кто-то установил на вершине кургана металлический крест, а у подножья насыпи положил несколько плит из черного мрамора. На одной из них надпись на украинском языке: "Дане місце є братською могилою воїнів румунської

армії, яких спіткала гірка доля бути втягнутими в другу світову війну з фашистськими загарбниками". В общем, как-будто все пристойно и безобидно. Но вот какая-то "третья сила" не так давно прочную плиту с надписью расколотила. И можно было бы все это списать на пробудившихся подземных демонов древнего могильника, растворившего в своем чреве разные культы, обычаи и заклатья, но некоторые украденные части из дорогого нынче мрамора говорят о происках вполне земных и меркантильных вандалов.

Здесь важно отметить, что после окончания Великой Отечественной войны "вражеские кладбища" целенаправленно не уничтожались, ну, разве что за исключением каких-то отдельных случаев еще в военное время.

В остальном же все было примерно как в строках А.С. Пушкина из "Бородинской годовщины":

"В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых..."

В 1950-60-е годы румынские кладбища, находящиеся вблизи крупных населенных пунктов, стали излюбленным местом игр детей и подростков. Выросшие после войны, а кое-кто из них застал и пережил еще военное время, не боялись таких мест. Зато здесь всегда можно найти что-то интересное: каски, монеты, жетоны, а если повезет, то и ржавый штык. Вот и дядя Вася, к сожалению, ушедший из жизни в начале 2008 года, вспоминал о целой компании своих сверстников, которые в 1950-е годы помимо прочих послевоенных забав любили проводить время на остатках огромного "румынского кладбища" в районе совхоза "Ильичевка". В конце 60-х годов часть этого захоронения распахали под сельхозугодия, но и в последующие десятилетия мальчишки все равно продолжали находить там множество трофеев. "Могил там было не менее тысячи", — единодушно свидетельствуют уже убежденные сединами очевидцы.

В 80-е годы с остатками этого кладбища покончили окончательно. Часть территории отдали под огороды, другую часть отвели под строительство частных гаражей и возвели котельную с большущей трубой. К слову, это та же уже упоминавшаяся полосатая труба, которая оказывается правее, если смотреть через Одесский залив с Приморского бульвара. Чудовищное наслоение эпох: труба на бывшем кладбище смотрится каким-то гигантским колом — архитекторы-проектировщики невольно

**Вид на ул. Паустовского
Район бывшего агрокомбината
"Ильичевка"
Фото О. Сивирина**

создали картину какого-то магического символизма.

До войны здесь находился агрокомбинат "Ильичевка", проводивший какие-то работы сельскохозяйственной техникой. Первые глиняные холмики с крестами и касками на них появились в этом месте в конце августа 1941 года, когда частям 15-й пехотной дивизии румын удалось потеснить на этом участке позиции 1-го полка морской пехоты. Таким образом, на первом этапе плановые погребения в этом месте проводились в ближнем тылу румынских подразделений. Основная же масса похороненных на кладбище агрокомбината — это погибшие во время контрудара частей Восточного сектора 22 сентября 1941 года.

И румынские, и советские исторические источники сходятся в цифрах потерь 13-й и 15-й пехотных дивизий румын, понесенных в течение одного дня — 22 сентября. Только убитыми около 2 тысяч человек. Части Восточного сектора продвинулись на разных участках на 5-8 км. В результате этого контрнаступления агрокомбинат "Ильичевка" оказался в тылу частей Приморской армии и оставался там до октября 1941 года (и вряд ли кто-то все это время специально занимался погребением многочисленных убитых солдат вражеской армии. За исключением отдельных случаев, когда вблизи колодцев, водоемов, населенных пунктов необходимо было локализовать трупы как источник распространения заражения). Повидимому, румынские похоронные команды смогли лишь с 16 октября приступить к идентификации и погребению своих солдат, собирая их по полям, балкам и посадкам.

Сегодня район агрокомбината — это улочка Паустовского на пересечении с Днепропетровской дорогой. Здесь же под асфальтом находится часть позиции обеих воюющих сторон, идущей от Ильичевки через большое поле к берегу моря. Последние новости говорят о том, что на этом по-

ле, где в 20-х числах августа 1941 года проходили кровопролитные бои, в 2008-2009 годах возведут высотные дома. Не нужно быть ясновидящим, чтобы знать, КОГО будут находить на этом поле, и можно не гадать, учитывая весь предыдущий опыт, что ИХ может ожидать.

Позиции 1941 года... Они здесь везде. Проходят (или проходили) вдоль и поперек: передовые, запасные, отсечные, тыловые — они изгибаются, сходятся и расходятся. Их не найти на картах. На всех известных опубликованных картах, схемах и планах указаны подготовленные рубежи обороны Одессы, которые отображают приказы командования.

Но даже если попытаться нанести все известные рубежи воюющих сторон на карту, то получится хаотичная сплошная паутина, в которой непосвященный просто запутается. Об этом же писал политрук Ф.М. Мальцев В.М. Соколову: "...на дальних подступах к Одессе и на линии Кубанка, хут. Шевченко, хут. Петровский, Свердлово заранее были произведены оборонительные рубежи. Отрыты противотанковые рвы, траншеи и хода сообщений, но не всегда приходилось ими пользоваться. Противник их знал и наступление организовывал в других местах. Нам же приходилось организовывать оборону, рыть траншеи, окопы там, где он стремился прорвать нашу оборону, в особенности там, где он направлял главные удары".

Нельзя не вспомнить и об оставшихся в забвении и безвестности красноармейцах и краснофлотцах, попавших в плен в боях под Одессой. Некоторую информацию на этот счет сегодня можно почерпнуть на румынских интернет-сайтах, посвященных второй мировой войне. Там есть фотографии пленных, небольшие кадры документальной хроники, где запечатлены советские пленные, есть и отдельные непроверенные (где проверить?) данные о количестве советских пленных под Одессой.

28 августа в боях за села Октябрь, Гниляково, хут. Важный было взято в плен 150 советских военных.

16 сентября 1941 года румынский источник приводит общие данные за время боев под Одессой, указывая "приблизительно 3000 советских военнопленных". В конце сентября приводятся общие данные: "4-я армия приняла 4946 военнопленных".

Из архива В.М. Соколова. Воспоминания из письма советского военнослужащего: "...Нас тут обезоружили... И вдруг видим: из деревни ведут колонну солдат пленных, около 40 человек. Тогда офицер немец им крикнул, они остановились. И нас туда пристроили. Ко мне подошел офицер немец, увидел на рубашке и на брюках канты малинового цвета и говорит: Комиссар? Я ему ответил: Нет. Когда нас гнали по этапам, узнал, они вы-

водили из колонны евреев, политруков и комиссаров и тут расстреливали. Я находился в концлагере пленных в г. Николаев.

1 июля 1942 года привели новую колонну пленных. Их конвоировали румыны. Им нужно было добавить из лагеря г. Николаева еще пленных. Из нашего офицерского корпуса пять дней назад отправили 500 человек офицеров в Германию. Сами немцы говорили, что им там будет "капут".

Нас в корпусе осталось 50-60 человек. Я у своего коменданта корпуса, он был уже полицаем... просил отпхать нас, 5 человек товарищей, на этап в Румынию. И он нас дописал в список для отправки. В Румынии я был в лагерьях военнопленных г. Тимишоара. В августе 1944 года... нас тогда освободили. Нас, пленных, направили в 300-й стрелковый полк. Там нас проверяла контрразведка. Солдат и сержантов оттуда посылали в полки для пополнения. Всех офицеров направили в г. Плоеште, где была спецпроверка..."

В середине 80-х годов Виктор Михайлович Соколов открыл новую страницу в своей поисковой работе — отправился к местам боев, к местам эвакуированных частей, защищавших до этого Одессу, Севастополь, Аджимушкайские каменоломни. Там из подземелья Виктор Михайлович поднял на свет Божий полуистлевшие учетные документы военнослужащих, и в этих списках отыскал 23 аджимушкайца, уроженцев Одессы и Одесской области. Пытаясь выяснить их судьбу, публиковал в областных газетах их данные...

В исторической справке, подводившей итоги поисковой работы в Аджимушкайских каменоломнях за 1972-1991 годы записано: "...Существенное влияние на качество проведения дальнейших работ и составления отчетов оказало то, что с 1986 года научным руководителем всех одесских групп стал работник Одесского УВД В.М. Соколов".

Вместо послесловия

...7 марта 1874 года в Санкт-Петербурге открылась выставка картин и рисунков молодого художника-баталиста В.В. Верещагина. На суд зрителей автор представил свыше ста картин и этюдов из так называемой "Туркестанской серии".

Живописные работы Верещагина сразу вызвали неподдельный интерес и массу пересудов в обществе. Изображение *такой* стороны войны для широкой общественности демонстрировалось впервые. На картинах Верещагина не было сверкающих орденами полководцев, красиво гарцующих, словно на параде, коней и непременно бегущего врага... У Верещ

шаги на первом плане простой солдат. Солдат такой, какой он и бывает на войне. Больше всего на выставке толпилось народа у картины "Забутый". Известный критик В.В. Стасов написал тогда: "Трагичнее всех был "Забутый" — бедный убитый солдат, распростертый навзничь в поле, покинутый всеми, и над которым слетается стая воронов с жадно растворенными клювами, пока отряд товарищей уходит вдаль. Этой поразительной, потрясающей ноты не брал еще ни один живописец войн и баталий...".

Совершенно иного мнения было высшее военное руководство России. Посетивший выставку "Туркестанская серия" император Александр II "был возмущен этой картиной". Последовало запрещение публикаций репродукции "Забутого" в печати... А генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман требовал от Верещагина "назвать место и время, где и когда он видел солдата, оставленного без погребения".

Кстати, на призыв В.М. Соколова в 1987 году в "Комсомольской искре" никто не откликнулся...

Фотоиллюстрации В.М. Соколова и автора

Автор благодарит В.М. Соколова за предоставленные материалы
Выдержки из писем из личного архива В.М. Соколова публикуются впервые

Репродукция картины В.В. Верещагина "Забутый"